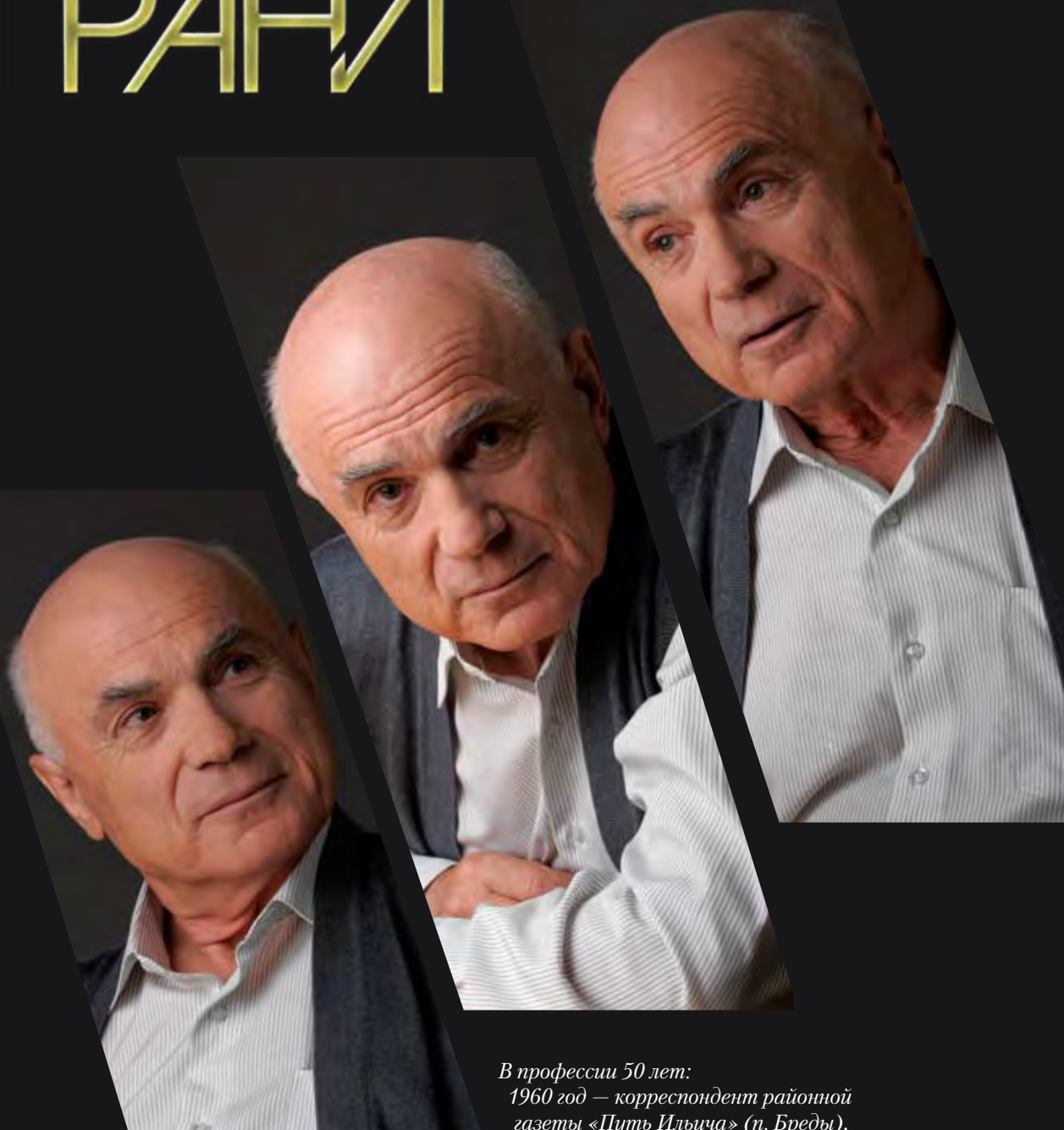

ГРАНИ

Михаил Фонов,
журналист

*В профессии 50 лет:
1960 год — корреспондент районной
газеты «Путь Ильича» (п. Бреды),
в настоящее время — обозреватель
газеты «Челябинский рабочий».*

*Автор ряда книг об истории, архитектуре
и экологии Южного Урала.*

*Член Союза журналистов РФ (1964),
Заслуженный работник культуры РФ (1989),
кавалер ордена Дружбы,
удостоен знака Союза журналистов РФ
«Золотое перо России — 2009».*

Прощать — прекрасно

Только и сказать: «Прости»...

Когда человек произносит «прости меня», он — прекрасен. Может быть, он никогда не бывает так прекрасен, когда прошепчет: «Я прошу меня простить».

Прощение — не слабость, а сила.

Почему-то считается, что признание своей ошибки унижает. Люди упираются до последнего, защищая свою «гордость»: «Извиниться перед ним? Никогда!» Так и упиваемся этим «никогда», хотя оно рубля ломаного не стоит.

Не прощает — мелочный, прощает — великодушный.

Да, конечно, сказать «прости» трудно. Трудно потому, что перед тем, как произнести эти два слога, у тебя где-то там, в груди, ближе к левому плечу, должно что-то перемениться. Узелок, затянутый там, надо ослабить. Не затянуть еще сильнее, а ослабить. Сначала чуть-чуть. Это первое «чуть-чуть» всегда требует усилия. Но потом узелок поддастся, поддастся... И когда развяжется — вдруг, неожиданно, станет легче дышать.

Развязав узелок обиды, мы готовы простить. Но еще не простили. Согласитесь, внутренне мы прощаем гораздо чаще, чем на самом деле. Но мало признать свою неправоту наедине с самим собой, надо это сделать гласно. Голосом. Слышно. Мало чувствовать свою вину, ее надо высказать. Надо сделать усилие и заставить свою гортань, свои голосовые связки выдохнуть слова прощения.

Прощение необходимо не столько прощаемому, сколько прощающему. Конечно, выслушивать извинения приятно. Тот, кого вы простили, будет удовлетворен. Но — поверхностно. Не очистительно. Ну, утешится его самолюбие. Может быть, даже он слегка обольстится. А вы, а вы вымоете из себя мусор обид, очистите свою душу от ядовитой желчи, чтобы приняла она легкое дуновение доброты. Нет ничего хуже — когда на душе тяжесть, какой-то свинцовый осадок. Когда в ней беспорядок.

Лучше прощать, чем быть прощенным.

Слово «прости» обезоруживает. Того обезоруживает, к кому обращено. Даже отъявленный хулиган перед ним теряется, сникает. Потому что «прости» не означает «сдаюсь на милость», оно переводится иначе — «я к тебе добр». А как реагировать на откровенное предложение доброты? Ненавистью? Таких людей мало. Если они есть.

Конечно, злость срывается с языка, как с трамплина, а доброе слово надо вытягивать из себя на канатах. К сожалению.

Да, только и сказать: «Прости». Но жить, прощая, трудно, почти невозможно. Жизнь на планете Земля такая: кажется, злобы в ней — океан, а доброты — ручеек. Это, к счастью, не так. Но если в жизни поровну черного и белого, утешит ли это нас? Вряд ли. Однако Творец именно так устроил, чтобы добро и зло уравновешивали друг друга. На Земле никогда не победит зло. Но не победит и добро. Значит, надо жить в условиях, которые даны.

На то мы и люди, чтобы понимать друг друга. Понимать и прощать. Когда виноват, прощать. Когда не виноват — прощать. Когда он виноват, когда я виноват. Когда не понять, кто виноват. Кто-то обиделся, неизвестно почему...

А если обида... Если обида перехватила дыхание... Если никто не мил и ничто не мило... Тогда...

Тогда бы — бережок у спокойной воды. Неподвижный, отстоявшийся в теплоте воздух. Рыбий запах от вязкого ила. Стрекозы, порхающие над осокой. Утки, шлепающие по темной глади залива. А дальше, за рекой, дорога в прохладной тени берез, уходящая в сизую даль. Сидеть здесь, потеряться здесь, в этом раю, утонуть в нем, раствориться... Смотреть на божий мир долго-долго, не шелохнувшись, сквозь проступившие на глаза слезы...

Простите меня, люди добрые...

Круги на воде

НАУКА ВЫЯСНИЛА, ЧТО ЖИЗНЬ СНАЧАЛА ОБЗАВЕЛАСЬ ЗРЕНИЕМ. ЧТО ДАЖЕ САМЫЕ ПЕРВЫЕ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА ЗНАЛИ, ЧТО ЕСТЬ СВЕТ.

Если есть минут двадцать, хорошо все отбросить, сесть на берег озера и отрешенно уставиться на воду. И чтобы пологие медленные волны накатывались на отмель. И чтобы из воды точкой торчала верхушка камня. И чтобы от этой верхушки, как от маяка, расходились круги. Еще не успеет растаять самый большой круг от маячка, как вокруг него возникают новые. И сколько бы ни было волн, каждая откликнется у торчащего камня расходящимися кругами.

Почему-то приятно сидеть и смотреть на эти легко расходящиеся, не устающие возникать и исчезать круги, на переплетенье волн, на переливы света на поверхности воды. И особая прелесть еще в том, что всякий раз, когда волна наплывает на верхушку камня, возникает едва уловимый всплеск. Будто вода разговаривает. Перешептывается. Конечно, она разговаривает сама с собой. И сама не знает об этом. Только я понимаю, что она разговаривает, и мне хочется слышать воду и что-то сказать ей. Поговорить.

Почему-то я знаю, что вода меня успокаивает. Будто бы она догадывается, что я всегда на нервах, что устал от напряжения, которое стягивает меня веревками, и мне необходимо развязаться, расстегнуться, освободиться от пут. И в самом деле пульс кругов меня убажает, а плеск воды будто бы уговаривает: успокойся, успокойся — успокоился?

Не знаю, сколько проходит времени, но вдруг я вижу себя как бы со стороны: сидит человек у воды, не шелохнется, замер, будто соединился, слился с озером, с камнями на его берегу, с березами и ольхами — со всем, что вокруг. Сколько он сидит? Минуты, дни или века?

Было время, очень далекое, когда на земле уже был свет, но не было глаз, когда были звуки, но не было ушей. Никто не слышал ни раскатов грома, ни плеска воды. Никто не видел ни рассветов над океаном, ни игры света на волнах. Какой ужас! Вокруг так много всего, а некому — воспринять...

Наука выяснила, что жизнь сначала обзавелась зрением. Что даже самые первые живые существа знали, что есть свет. Всем телом, как дождевые черви, воспринимали его волны. Потом клеточки, чувствительные к свету, собрались в пятнышки, обосновались пузырьками в ямках, отгородились прозрачным покровом... А трилобит, обитавший в древних морях 250 миллионов лет назад, успел обзавестись двумя сложными фасеточными глазами...

Рецепторы, воспринимающие колебания воздуха, его волны, проявили себя позднее.

Круги... На воде, в воздухе, везде...

Прогресс и счастье

ЭТО Ж НАДО ТАК: НАЖАЛ ТРИ КНОПОЧКИ — И НА ТЕБЕ, ГОЛОС ЖЕНЫ. Я ЕЙ СКАЗАЛ О СЕБЕ, ОНА — О СЕБЕ.

Как-то газета «Аргументы и факты» опубликовала необычную карту: наша планета, оба ее полушария — ночью. Американские ученые сделали эти снимки со спутников, чтобы посмотреть, как Земля освещена в ночное время. И посмотрели. И дали нам посмотреть.

На этой карте ослепительно освещен весь запад Европы. В белое пятно сливаются огни на востоке США. Пожалуй, так же светло на островах Японии. До Урала светится и Россия, однако не так ослепительно. (И Челябинск не потерялся во тьме.) Белые цепочки тянутся вдоль Сибирской магистрали. Довольно светлы Индия, юго-восток Китая. Горят огни вдоль побережий Южной Америки и на севере Африки. А остальные территории — внутренняя Африка, внутренняя Южная Америка, внутренняя Австралия, Сибирь, Чукотка, горы Тибета, пустыня Гоби, север Канады, Гренландия и, уж конечно, полоса — во мраке.

Это — карта земных цивилизаций. Или планетного расселения? Или земного счастья? Взглянул на карту и увидел, кто как живет — кто светло, а кто мрачно. Кто в прогрессе (электричество!), а кто в регрессе (без электричества).

Когда зимой, сидя у лунки, с середины озера — в десятках километров от дома — я впервые позвонил жене по сотовому телефону, это не сразу уложилось в моей голове. Это ж надо так: нажал три кнопочки — и на тебе, голос жены. Я ей сказал о себе, она — о себе. Обменялись информацией. Очень удобно. Если что-то случилось, не надо искать телефон, привязанный к проводу. Звони с любого места. Проси помощи. Давай указания. Советуйся. Объясняйся. Прогресс!

То ли еще будет. Вся наша жизнь, говорят, привяжется к «трубке». Сотовый, он ведь не телефон, а радиостанция. С меня сто потов сошло, когда я на военной стажировке ползал в сталинградских степях с армейской рацией на спине, а тут — рация в ладони. И не только рация, а компьютер с выходом в Интернет, а еще встроенная фотокамера, телевизор, видеокамера и что угодно еще. Полная электронная коллективизация. При этом «трубка» на глазах уменьшается в размерах. Обещают: ее зашьют нам куда-нибудь под кожу, и мы будем связаны с ней если не мысленно, то словесно.

Хорошо? Конечно. Но к прогрессу быстро привыкаешь. И так же быстро обнаруживаешь, что не «трубка» привязана к тебе, а ты к ней. Что от нее нет спасенья. Что ты скоро сойдешь с ума от избытка информации. Что у тебя нет ни минутки покоя, тебе нигде не уединиться...

От прогресса не надо ждать, а тем более — требовать счастья. Прогресс и счастье — они не вместе, а рядом, на двух параллельных прямых, которые, может быть, как в евклидовой геометрии, никогда не пересекутся. На свету счастья не больше, чем в темноте. В темноте, замечено, его бывает даже больше.

Я давно уже не ругаю прогресс. Да, у счастья своя география, но жить так, как живут на реке Сене — достойно человека, а так, как на реке Конго — нет.

Чувствуй!

МЫ СОВЕТУЕМ: ДУМАЙ.
А НАДО ПОДСКАЗАТЬ: ЧУВСТВУЙ.
ПОЧУВСТВУЙ — И ПОДУМАЕТСЯ.

Их двое, выбирайте: один — умный, второй — сердечный. Трудный выбор? Хотелось бы, чтобы не двое, а один — умный и сердечный? Нет, надо выбрать одного.

Я выбираю сердечного.

Ум, он холодный, «правильный», обращенный в себя. А сердце, оно теплое, даже горячее, искреннее, обращенное к людям.

Ум — говорит, и не знаешь, верить или нет. А сердце — молчит, только слезы на глазах, как не поверить...

Сердце — транслятор чувств и антенна, их воспринимающая. Как и ум, оно бывает разных размеров — маленькое, малое, большое, великое...

Самые чувствительные «антенны» — у поэтов. Сердце Пушкина... Мы и понятия не имеем о том, что бывают и такие сердца... Что оно может так много вместить. Так остро откликаться, так горько отчаиваться, так сильно переживать. Не я первый удивляюсь, как просто, легко, играючи Пушкин поднимается к мудрости. Мудрости ждут от других, от серьезных, вдумчивых, глубокомысленных, а он мудр — естественно, без усилий, кажется, неожиданно и для самого себя. А так, в жизни, — ничего особенного, ветреный остроумец, легкомыслие на каждом шагу, сплошное балагурство и непочтение...

Осмелюсь утвердить: поэты — самые-самые люди. Остальные — после них.

Александр Герцен сказал, что «не сердце, а разум судья истины». Судья истины? Пусть так. Но не красоты. Красоту судит сердце. Легче соглашусь с Федором Достоевским: «Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства». И его же афоризм: «Мысль зарождается в сердце».

Мы советуем: думай. А надо подсказать: чувствуй. Почувствуй — и подумается.

Все, что принято сердцем, через него пропущено, омыто его кровью, им переплавлено и пережито, — обретает особое качество, новую ценность, быстрый отзвук, долгое доверие. Любое дело, исполненное от сердца, как бы отмечено «знаком качества».

Кто бы ты ни был, не пощади себя, взволнуйся, переживи чужое, стань на место другого, поработай сердцем — и тебя благодарно поймут. И ответят тем же. Без чувств можно делать все, что угодно, но и в любой сфере деятельности можно работать с чувствами. Везде, где возникает творчество, которое есть страсть.

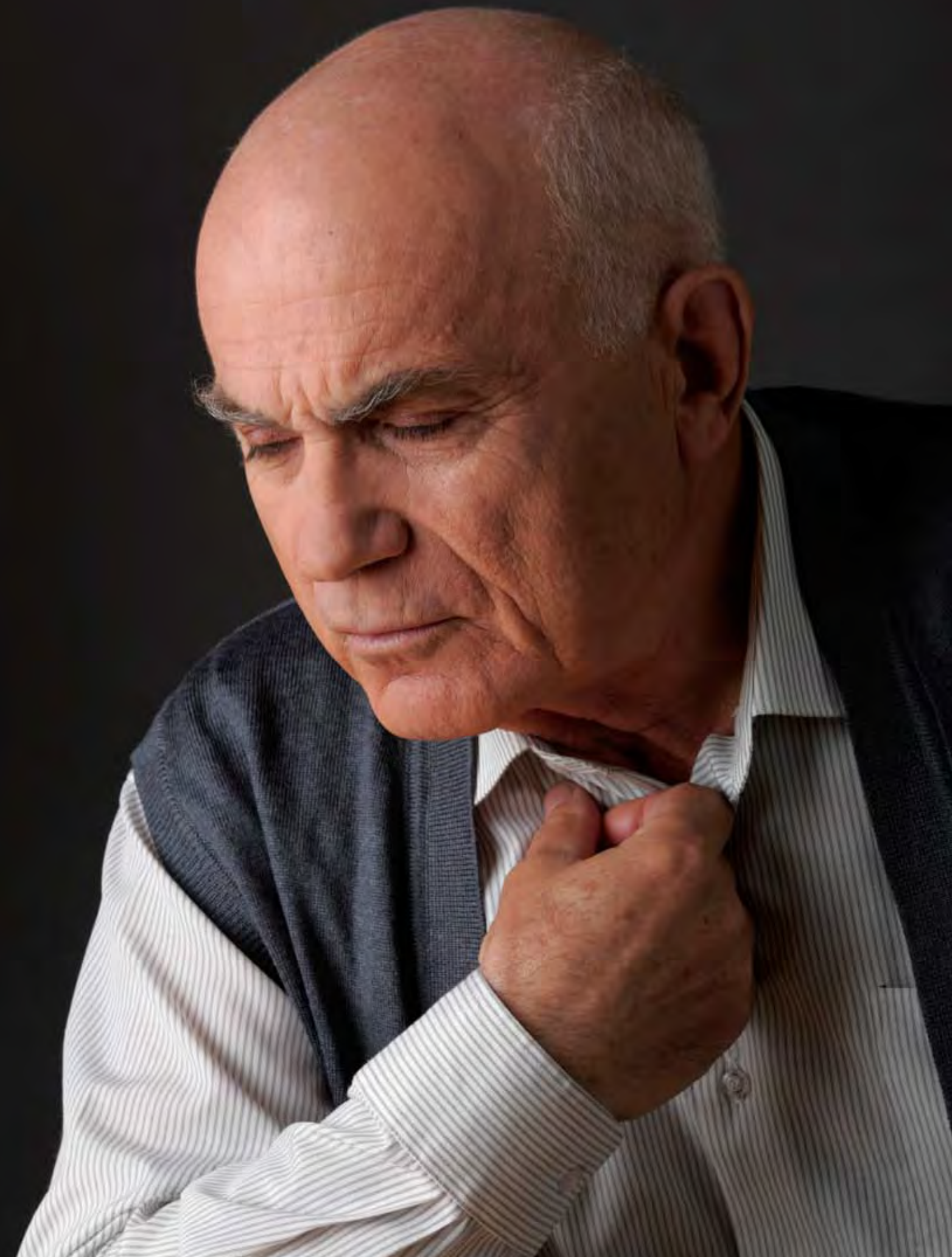
Хватило бы сердца на всех и на все...

Люди соединяются сердцами.

Мысль и чувство, наука и искусство, истина и красота, физики и лирики — люди делятся на умных и сердечных. Поэт Василий Федоров выразил это так: «Я признаю с учеными родство, но признаю и разницу от века: ученый расчленяет естество, поэты собирают человека».

Одна сказка, в которой Он — Разум, а Она — Чувство, заканчивается тем, что они поженились. Конечно-конечно, мы — единое целое. Однако же — из двух половинок... Разум говорит: надо. Чувство говорит: хочется...

Прекрасно, когда хочется.

Радость соглашаться

НЕ СПОРЬ С РЕБЕНКОМ. НЕ СПОРЬ С ДУРАКОМ. И С МУДРЕЦОМ НЕ СПОРЬ.
НЕ СПОРЬ С ПЬЯНЫМ. НЕ СПОРЬ С БОССОМ. НЕ СПОРЬ С ПРИРОДОЙ. НЕ СПОРЬ С СУДЬБОЙ.
НАКОНЕЦ, НЕ СПОРЬ С ЭХОМ...

Прежде, признаться, я был не прочь ввязаться в спор, броситься в словесную драку, сразиться против мнения «напротив», говорить, говорить и не выговориться... Теперь же стараюсь уходить от спора. Слава Богу, у меня было время убедиться в том, что как бы горячо и страстно я ни говорил, какие бы ни приводил доводы, резоны и аргументы, каким ни был вроде бы убедительным и доступным, ни разу никого не убедил. А если так, если спорить бесполезно, то что из этого следует? Не спорить! Только и всего.

Теперь я не спорю. Человек говорит, а я слушаю. Не встречаю, не возражаю — слушаю. Более того, я охотно соглашаюсь, киваю головой в знак согласия, говорю, если к месту, «Вы правы». Или молчу, если собеседник говорит совсем уж не то. И, к своему удивлению, я обнаруживаю на лице сидящего против меня человека «тихую» благодарность за то, что я его не перебиваю, не stalkиваю с мысли, не рву нить рассказа. А всякий раз, когда я с ним соглашаюсь, лицо его светлеет изнутри, его переполняет едва ли не восторг. Поверьте, мало того, что он уходит так, будто несет охапку подарков, но мне, вдогонку, и самому радостно от того, что сделал человеку приятно.

Так я открыл радость соглашаться.

А споры никакой радости не приносят. Одну досаду. У меня был коллега, с которым довольно долго дружил. Когда он вышел на пенсию, время от времени заходил ко мне — поговорить. Наши разговоры, однако, становились все острее. Я говорил свое, он — свое. Меня это, в общем-то, не смущало. Если мнения не сходятся, то, думал я, это не помеха дружбе. Но мой коллега все чаще уходил сердитый, а приходил «прокурором», обвиняя меня в том, что я изменил каким-то неизменным идеалам. Дело дошло до того, что теперь он проходит мимо, не здороваясь.

Что ж, я и на это согласен. Надеюсь, что такой вызов и выпад моего бывшего коллеги укрепляет какой-то его внутренний стержень, дает чувство уверенности, правоты и даже, может быть, победы. Пусть так ему лучше.

Я не знаю, что рождается в споре. Разве что распря. Кстати, разве это спор — у телеведущего Соловьева в «К барьеру!»? Или — у Малахова в «Пусть говорят»? Вот именно, все говорят и никто не слушает. Одно хорошо перед телевизором — слушать можно, а говорить нельзя.

Теперь я говорю себе: не спорь. Не спорь с женщиной. Сразу, заведомо с ней согласишься. Она не виновата в том, что не переносит возражений. Зато сколько раз ты с ней согласишься, столько раз она будет тебе благодарна. Как поет Алла Пугачева? «Пусть пускай я в рассужденье впадаю в заблужденье — не спорь со мной, не спорь со мной».

Не спорь с ребенком. Не спорь с дураком.
И с мудрецом не спорь. Не спорь с пьяным.
Не спорь с боссом. Не спорь с природой.
Не спорь с судьбой. Наконец, не спорь с эхом...

Не спорь, а согласишься. Люди хотят быть правыми. И они правы.

Это все. Я высказался. И если не прав, то — соглашусь. А как думать и как поступать — это уж дело мое.

Час заката

Я сижу на берегу шершневского «моря», на каменном мысу. Далеко за березняками на том берегу заканчивается земля и начинается космос. Где-то там, за горизонтом, ниже горизонта — Харлуши, Увильды, Нязепетровск, еще дальше — Вологда, Петербург, Стокгольм, Гренландия...

Я пришел на демонстрацию заката.

Каждый вечер солнце высвечивает свои закаты. Иные из них изумительны. Никакая живопись не сравнится с ними. А нам не до закатов. У нас дела. Ну, бывает, из окна автомобиля успеешь схватить полыхающий край неба, только промелькнет едва осознанный миг восхищения — и все пропало за придорожными деревьями.

Однажды я спросил себя: неужели ты проживешь жизнь, так и не увидев закат от начала до конца? Нет, ответил я себе, однажды я выберу вечер и посижу на закате час или больше — пока он будет продолжаться. Все брошу, сяду и буду смотреть закат, как кино. Смотреть и думать. Я предчувствую, что этот неземной, а космический фильм не даст мне думать о том, чем я жил весь день. Ну что перед лицом закатного солнца мои дневные волнения, страхи, копошения, дерганья, мелкотня? Нет, я буду размышлять о чем-то очень важном, может быть, о главном, сокровенном. И может быть, откроется мне тайна бытия, его смысл и суть.

И вот сегодня, 22 июня, я сижу на берегу шершневского моря — до заката остается, по моим прикидкам, час времени.

Светило еще высоко. Высоко? А как это измерить? Чем измерить расстояние от него до горизонта? Километрами? Нет, пожалуй, метрами. И сколько же метров? Сотни? Нет, может быть, десятка два. Или это не так?

Ослепительный солнечный диск выскользнул из-за кромки облака. Зеркальный диск солнца — вы замечали? — всегда переливается, будто покачивается: блеснет то одним сегментом, то другим.

Солнце ослепило меня, я закрыл глаза от боли.

Мой зрачок и солнце. Два диска будто бы одинаковые по величине. Между ними по прямой, по лучу — 150 миллионов верст. Мой глаз на таком расстоянии способен увидеть солнце, а солнце способно причинить глазу боль. Мы — в контакте.

Конечно, коротка человеческая жизнь, но и ее надо воспринимать, как случайный подарок. Я есть на белом свете, а кого-то нет. И не было никогда. И не будет. Даже и не сказать, кого нет. Он — не родился. А мог бы. Таких, кому не случилось жить, может быть, много больше, чем нас, которым дано осознать себя в мире. Они не вышли из тьмы, оставшись в ней, в смерти, на веки вечные.

Все бледнее небо над березняками на том берегу, все больше в облаках огня, золота. А прямо надо мной осталось одно реденькое облачко, которое плывет поперек заката. Я всегда удивляюсь, как такое облако держит форму. Пар, а не рассеивается. Что-то сбивает его клокком. Пусть и рыхлый, а клок.

Иллюзия: тот берег, полоса туч над ним и солнце — они вместе, в одной плоскости.

Светило снова спряталось, из-за серой пелены высвечивая кромку далеких облаков, наливая сиянием сам воздух, эфир, плавно меняя тона, набирая все больше румянца, красноты.

Я сижу, не могу оторваться от перелива красок, от медленной, едва заметной, но неуклонной перемены пейзажа, когда не сразу осознаешь, что перед тобой уже сменились десятки картин, нарисованных солнцем.

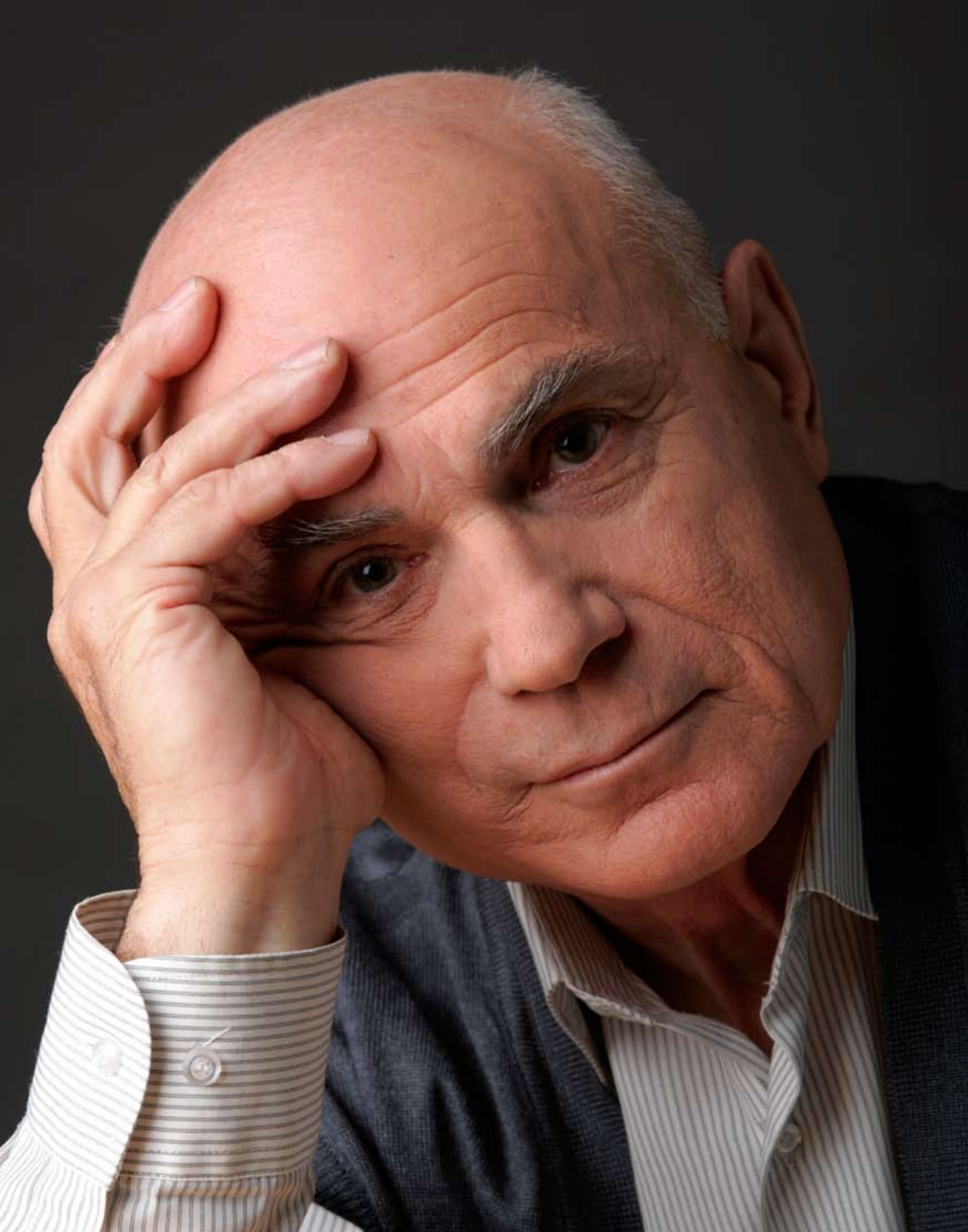
Но уже позади те минуты заката, когда он сиял, предаваясь последней радости, не думая об уходе. Осталась узкая полоса между березняком на горизонте и полосой длинной тучи. Опустившись к ней, солнце еще раз блеснуло, будто приплюснутое, и покорно скрылось за березняком.

И весь закат. Смысл бытия, увы, я не открыл. И пусть. Но теперь у меня есть хороший ответ на хороший вопрос. Где-то в межзвездных далях, допустим, меня спросят:
— Ты жил на Земле?
— Жил.
— А земной закат солнца видел?
— Видел.

Я это видел. И это у меня не отнять.

Я признаю тебя, закат. Я тебя принимаю. Чему быть, того не миновать.

Мой земной шар

О СВОЕЙ ПЛАНЕТЕ МОЖНО СКАЗАТЬ
ТО ЖЕ, ЧТО И О МАТЕРИ: Я ЕЕ ЛЮБЛЮ.

Я купил себе глобус. Это шарик с голубизной океанов и охрой материков. Я поставил его на стойку компьютера — слева от меня и чуть выше уровня глаз. Теперь достаточно поднять глаза — и земной шар передо мной. Я могу отстраниться от Земли, посмотреть на нее со стороны, подумать о чем-нибудь планетарном, космическом. И представить себя на ней. Урал, он как раз на верхушке шара, коричневый поясик между двумя зелеными пятнами. Если взять грубо, то это перекрестье 60-го меридиана и 60-й параллели.

Интересно: а что у меня внизу, под ногами? А под ногами у меня в Южном полушарии, представьте себе, Порт-Стенли на Фолклендских островах. Это, я думаю, самый настоящий конец света. Далекий рубеж Атлантики и Тихого океана. О, Господи, — горы Патагонии! Чуть западнее — берега Аргентины и Чили, сходящиеся у Магелланова пролива. Рядом — Огненная Земля. И очень даже близко дрейфующие льды Антарктиды, ее суровое дыхание...

Там, в Порт-Стенли, все другое. Люди ходят вниз головой. А над их головами — другое небо. И даже другое солнце: у нас дневное, а у них — ночное, у нас осеннее, а у них — весеннее. Много у нас разного и наоборот, но что-то очень важное — похожее или одинаковое. Главное, мы — жители одной планеты, и, как бы далеко не жили друг от друга, наверняка на экранах наших телевизоров попадают одни и те же сюжеты о событиях в мире.

А Земля, планета наша, она какая?

Хорошая планета. И даже прекрасная. Лучше всех. Такой ответ — самый верный.

Конечно, можно вспомнить Маяковского: для счастья планета наша мало оборудована. Можно упрекнуть планету в том, что на ней много необузданного зла. Что — уму непостижимо — люди убивают людей. Можно сокрушиться тем, как тяжело дается ее обитателям соленый кусок хлеба. Как липкие страхи преследуют нас по пятам. Можно посоветовать на то, что очень часто одна душа не понимает другую, что среди людей очень много холодных взглядов, кривых усмешек, тупых затылков и закрытых сердец. Есть, что припомнить. Мы ли не мастера на обиды...

Но планеты не выбирают. На них живут и умирают. О своей планете можно сказать то же, что и о матери: я ее люблю.

Мне близок срок уходить. Я уйду в свою планету. Что будет после меня? Надеюсь, все то же. Будет звучать музыка. Какая музыка? Мало ли что... Очень русские мелодии Георгия Свиридова. И — тоже вечная — «Цыганочка» с выходом. Останутся мои озера с их закатами-симфониями. Останутся влажные глаза взволнованной женщины. И мой сад, в котором по весне каждая травинка всходит мной...

Мне жаль, что хотя бы иногда не смогу я посмотреть на Землю с какой-то высоты: что — после меня? Я чувствую вину перед своим сыном и дочерью, перед внуком и внучкой, что оставляю им Россию в упадке и Землю — в раздорах...

Мы еще и не думали обустроить свою планету. А начинать — как? С себя. Со своего дома, двора, улицы... Может быть, — до звезд.

Простите за искренность.

Я еще здесь

КТО БЫ МНЕ ОБЪЯСНИЛ, КАК МАЛЫШКА
С НАИВНЫМИ, ЧИСТЫМИ, УДИВЛЕННЫМИ
ГЛАЗАМИ ЧЕРЕЗ ГОДЫ СТАНОВИТСЯ
УБИЙЦЕЙ...

Я еще здесь... Я еще, слава Богу, здесь, на этом неустрашенном, раздраенном, раздираемом неумными страстями, задуваемом ветрами ненависти и жестокости, тысячу раз проклятом белом свете. Я еще здесь. И не хочу уйти отсюда, кануть. Что-то меня здесь держит. И сказать не могу — что. Ведь, в сущности, ничего хорошего здесь нет. Бестолковая беготня и суета, бесконечные страхи и угрозы, безнадежное непонимание, миражи любви и доброты, торжество зла и смерти. Что здесь хорошего?

Один человек бьет кулаком другого — в лицо. Сбивает с ног. Пинает его ногой. Выхватывает нож. Втыкает острую сталь в живое тело... Это кто? Человек? С таким жить на одной планете?

То, что люди убивают друг друга, не оставляет никаких надежд. А мы ведем себя терпимо, будто так и надо. Понимаем! Опустили гроб в могилу, засыпали землей — соблности бы обряд. Убитые лежат в могилах, убийцы ходят по земле. Среди нас, среди людей, — на улице, в трамвае, в магазине... Жизнь продолжается.

Как после этого жить?

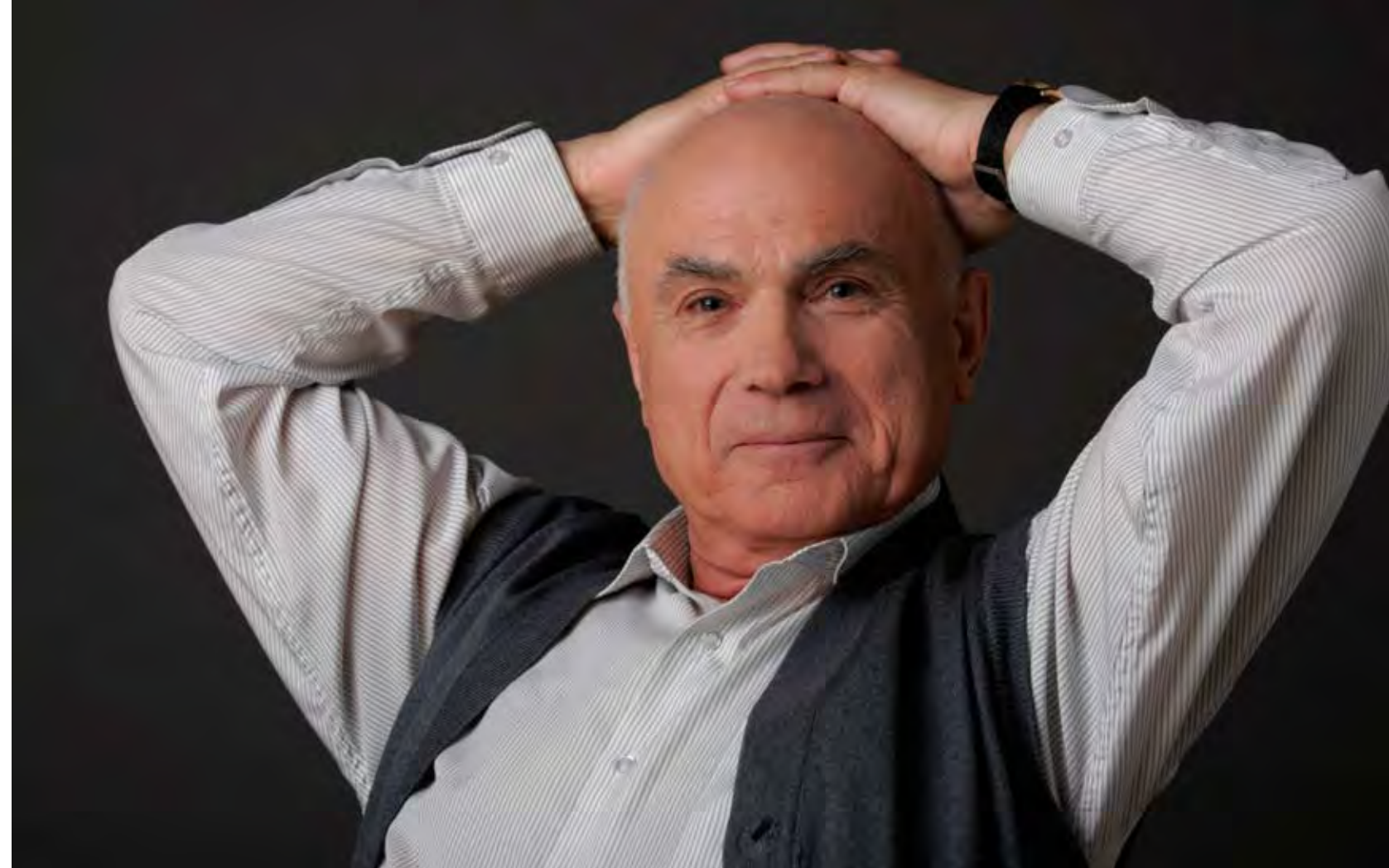
Живем...

Кто бы мне объяснил, как малышка с наивными, чистыми, удивленными глазами через годы становится убийцей...

Я-то уйду, но здесь останутся родные люди. Я и рад был бы оставить их — на светлой, доброй земле. Но страшно бросать здесь, где их ждут столько невзгод, несчастий, неудач, невезений. Где прожить жизнь — всего лишь счастливая вероятность.

Трудно все-таки уходить. Будто здесь у меня еще какие-то дела, кому-то еще нужен, что-то еще не увидел, не почувствовал, не запомнил. И все-таки жаль почему-то, что все будет, кроме меня. Что-то в этом несправедливое. Меня нет, а все продолжается? И никакого возврата? Никакого? Сколько бы ни было впереди лет — десять, сто, тысячу, миллион? На веки веков? Обидно до слез. Как будто выгоняют из родного дома. Ведь тут, на этом белом свете, все — мое, знакомое, привычное. Мои следы на дорогах, тротуарах, тропинках. Мне кажется, что даже улицы, дома, деревья Челябинска узнают меня, привыкли ко мне. Я объездил много городов и стран. Но «моя» и та земля, где не бывал. Европа — вот она, рядом. А где-то далеко — Австралия. Я точно знаю, что она есть. И Арктика с Антарктикой, и тайга с пустынями, и вершины с низинами, и вся россыпь океанских островов — они есть. И они мои. Планета — моя. И все без сожаления потерять?

Что ж, потеряю. До меня уходили, уйду и я. Утешусь сознанием того лишь, что я был на этой планете. Я стоял на земном шаре, а передо мной величественно и торжественно поднимался диск солнца. Будто именно для меня поднимался, чтобы я увидел космическую церемонию земного рассвета. А надо мной, над моей головой, голубела вся невидаль космической бездны. Я видел и унесу с собой, как прохладным летним утром солнечные лучи алым золотом подкрашивают прозрачные облака. Как пахнет трава у воды — ряской, болотом и рыбьей чешуей. Как трепетно блестят капельки росы на паутине. Как покойно ходят круги на речной глади...

Я уйду, и все, чем недоволен на этой грешной земле, исчезнет. Как рукой смахнет. Смерть освободит меня от всего, что не дает мне спокойно жить, чего не могу я понять и принять, перед чем я бессилен, что тревожит, возмущает, будит по ночам, терзает так, что жить не хочется. Все черное — пропадет. Волшебное исчезнет. Исчезнет? Но что-то же не исчезнет? Нельзя же, чтобы ничего не осталось. Это и вообразить нельзя. «Ничего» — это как?

Так. Здесь все — черное, белое и все другие цвета и оттенки. А там — ничего... Даже вечного мрака там нет.

Невозможно жить на земле. И невозможно уйти. И нельзя не уйти.

Я иду по вечернему Челябинску — как по дну огромного города. Смутно воспринимаю людей, огни, звуки. Падающий снег успокаивает, будто материнская песня у колыбели. Где-то вне меня — неугомонный, невозмутимый, никак на меня не реагирующий, знающий только свое — город. Я иду и с каждым шагом про себя повторяю: «Я еще здесь, я еще здесь»... И неожиданно чувствую: меня захлестывает, окутывает и как бы поднимает теплая волна радости. Все — ерунда, все преходящее и напускное перед тем, что я еще здесь.

*Я думаю свою
без помехи подслушаю,
Черту подведу
стариковскою палочкой:
Нет, все-таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой.*

Своя «галочка» у Александра Твардовского, своя у меня и у каждого из нас, кому выпало побыть живым.